

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

КНИГА X.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о, Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1911.

Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

1.

Поездъ гдѣ-то остановился. Продавали газеты. Была напечатана телеграмма о томъ, что въ ночь на 2-е іюля въ Баденвейлерѣ скончался А. П. Чеховъ.

Это было неожиданно. Едва ли кто, кромѣ людей, можетъ быть самыхъ близкихъ, предполагалъ возможность столь скорого конца.

Въ вагонѣ заговорили о смерти писателя; говорили съ волненіемъ и грустью. Случайно встрѣтившіеся люди, повидимому, переживали его смерть, какъ свою личную утрату.

Открыли окно. Безпокойная ночь въ дорогѣ, вѣсть о кончинѣ Чехова, эта общая печаль о немъ чужихъ для него людей—все создавало какое-то особое настроеніе. Стало очень тяжело. Небо поднялось высоко, и въ его свѣтлой и чудесной вышинѣ плылъ мѣсяцъ и горѣли звѣзды. Мечталось объ умершемъ: сейчасъ думаютъ о немъ во многихъ мѣстахъ земли нашей. И казалось: надъ широкой, необъятной родиной уже носится его образъ, и онъ сотканъ изъ лучей грустнаго, изящнаго и нѣжнаго. И, вѣрно, такимъ его образъ перейдетъ въ потомство и будетъ храниться памятью людей.

А въ воображеніи стоялъ живой человѣкъ. Я видѣлъ его небольшой домъ и въ немъ его кабинетъ, видѣлъ, какъ въ немъ ходитъ высокій, худощавый человѣкъ; постоять у окна, смотря на море вдали, потомъ опять заходить по комнатамъ, бросая отрывистыя слова и по временамъ глухо кашляя. И стало жаль, что этотъ живой человѣкъ будетъ теперь постепенно забываться: уйдутъ изъ міра тѣ, кто зналъ его, и онъ уйдетъ невосвратно. То, что останется въ его книгахъ и чрезъ книги въ душахъ людей, это будетъ уже нѣчто другое, его, но не онъ. И тогда же подумалось: слѣдуетъ записать и то небольшое, что я знаю о немъ. Придется говорить о себѣ, но вѣдь и воспоминанія мои, въ сущности, есть лишь исторія отношенія писателя къ одному изъ многихъ больныхъ людей, случайно жившихъ съ нимъ въ одномъ городѣ.

2.

Въ 1898 году, осенью, въ Ялтѣ стали говорить, что пріѣхалъ А. П. Чеховъ.

Извѣстность его была въ это время велика; уже для очень многихъ онъ былъ любимымъ изъ русскихъ писателей. Несмотря на это, въ печати о немъ было какъ-то мало свѣдѣній. Въ журналахъ и газетахъ говорили о его разсказахъ, но очень мало объ ихъ авторѣ. Мнѣ, напр., несмотря на большое желаніе, нигдѣ не пришлось увидать его портрета. Тѣмъ сильнѣе захотѣлось теперь увидать самого писателя.

На разспросы о томъ, гдѣ Чеховъ живетъ, показывали дачу К. М. Иловайской, находящуюся на Аутской улицѣ.

Не знаю, давно ли передъ этимъ Антонъ Павловичъ былъ въ Ялтѣ, но въ этотъ пріѣздъ онъ казался здѣсь новымъ человѣкомъ; всѣ имъ очень интересовались и старались увидать.

Бывали назойливы. Помню, въ одномъ магазинѣ приказчикъ разсказывалъ покупателямъ, что Чеховъ, уходя, по забывчивости, оставилъ одинъ изъ купленныхъ имъ свертковъ. Тотчасъ же двѣ дамы, бывшія въ магазинѣ, выпросили у приказчика этотъ свертокъ, чтобы передать А. П.—чу и такимъ образомъ познакомиться съ нимъ.

Другой разъ, долго спустя, А. П.—чу пришлось быть на набережной. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ. Проходившіе мимо стали такъ непріятно и любопытно всматриваться въ его лицо, иногда даже останавливаясь, что, не выдержавъ, онъ сталъ отъ нихъ закрываться газетой, которую держалъ въ рукахъ.

Впрочемъ, въ это первое время А. П.—чъ часто бывалъ въ городѣ. Говорили, что его можно видѣть на набережной, особенно около книжного магазина И. А. Синани или и въ самомъ магазинѣ.

Былъ годъ голода. Собирали пожертвованія. Въ ялтинскомъ *Крымскомъ Курьерѣ* напечатали, что Чеховъ тоже принимаетъ пожертвованія. Стало извѣстно, что принимаетъ и лично, въ своей квартирѣ, въ такіе-то часы.

Для покойнаго писателя это дѣло было очень хлопотно. Для голодающихъ очень полезно: къ нему потянулось съ пожертвованіями много людей; шли, чтобы выразить ему свое уваженіе, а то и просто его увидать. Пошелъ и я; былъ я учителемъ народной школы и понесъ нѣсколько собранныхъ отъ школы рублей.

Дача Иловайской довольно большая. А. П.—чъ занималъ двѣ комнаты внизу.

Обыкновенно, когда много читаешь какого-нибудь писателя, всегда начинаешь представлять себѣ, кромѣ лицъ, о которыхъ онъ говоритъ, и самого автора. Когда чувствуешь душу человѣка, воображеніе не-

волью начинаетъ рисовать и его виѣшній образъ. И этотъ образъ человѣка, никогда не видѣннаго, трудно уловимый, если бы его нарисовать, въ то же время очень прочно живетъ въ душѣ.

Чехова я представлялъ въ своемъ воображеніи ясно, но, какъ оказалось, до такой степени другимъ, что не только въ первый моментъ, когда мнѣ навстрѣчу вышелъ изъ второй комнаты высокій, спокойный человѣкъ, но и потомъ, во время разговора съ нимъ, я не призналъ въ немъ А. П.—ча. Вѣрно,—думалъ я,—его нѣтъ дома и кто-то другой принимаетъ меня.

Разказы Чехова были нѣжны и ласковы къ людямъ; слова въ нихъ красивы и грустны, какъ въ пѣснѣ, тихой и печальной; а взгляды человѣка, который говорилъ со мной, былъ холоденъ, слова коротки, сухи и отрывисты. Мнѣ казалось, не могъ *этотъ* человѣкъ написать *тѣ* разказы.

Пригласивъ сѣсть, Чеховъ ушелъ во вторую комнату написать кви-танцію въ полученіи денегъ. Потомъ, когда отдалъ ее, сѣлъ и разговаривалъ. И по мѣрѣ того, какъ говорилъ, его глаза стали смотрѣть ласковѣе, рѣчь сдѣлалась мягкой; и у меня стало исчезать чувство, что разказы, которые я такъ любилъ, чужіе для этого человѣка.

Антонъ Павловичъ спрашивалъ, давно ли я въ Ялтѣ, почему поступилъ учителемъ церковной школы; узнавъ во мнѣ сѣверянина, онъ еще болѣе оживился и сообщилъ, что получаетъ газету *Сѣверный Край*, которая въ то время выходила въ Ярославлѣ.

А. П.—чѣ всталъ и принесъ мнѣ послѣдніе номера газеты.

„Возьмите себѣ,—сказалъ онъ,—вамъ это навѣрно будетъ интересно.—И потомъ, когда я уходилъ, онъ говорилъ:—Заходите ко мнѣ вечеромъ, непременно заходите.—Провожая, увидалъ мое пальто. Шелъ, кажется, ноябрь, на дворѣ стоялъ холодъ, а пальто было лѣтнее. Чеховъ удивился.—Слушайте,—сказалъ онъ,—такъ лѣчиться нельзя; вамъ надо теплое пальто“.

Меня это сконфузило; я какъ-то случайно не приобрѣлъ еще зимней одежды.

„Но съ этого и лѣчение надо начать,—сказалъ онъ внушительно,—непременно купите пальто“.

Мнѣ очень хотѣлось сказать ему, какъ у насъ, въ духовной школѣ, его любили. Прощаясь, я взволнованно сказалъ ему что-то въ этомъ родѣ.

3.

Былъ я убѣжденъ, что мое знакомство съ нимъ на этомъ и кончится. Но случилось то, чего было трудно ждать.

Черезъ два или три дня мнѣ принесли съ почты нѣсколько новыхъ

номеровъ *Сѣвернаго Края*; адресъ былъ написанъ знакомымъ—по квитанціи—почеркомъ Антона Павловича. Прошло два дня, и опять принесли газету. И это установилось постоянно: каждые два-три дня я получалъ ее по городской почтѣ съ адресомъ, надписаннымъ рукою Чехова.

Было радостно и въ то же время совѣстно отъ этой его заботы обо мнѣ.

Черезъ нѣкоторое время захожу въ магазинъ Синани, спрашиваю какую-то книгу. Книги не оказалось. Тогда господинъ, сидѣвшій въ магазинѣ, на котораго я не обратилъ вниманія, вдругъ проговорилъ:

„Но если у васъ нѣтъ книги, почему вы ее не выпишете?“

Это былъ Чеховъ.

„Ну, что,—сказалъ онъ,—получаете газету?“

„Да, только мнѣ совѣстно...“ Но онъ прервалъ мои слова: „Есть въ ней что-нибудь интересное для васъ?“—Есть.—„Вотъ и хорошо, читайте“.

Прошло Рождество. Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ праздника въ нашей школѣ зажгли елку. Дѣвочки (школа была женская) пѣли, читали стихи, играли. Передъ тѣмъ, какъ раздавать подарки, маленькая черноглазая дѣвочка, Вѣра Яни, вышла на середину комнаты и обратилась ко мнѣ съ небольшимъ привѣтствіемъ. Въ заключеніе подаетъ мнѣ нѣсколько книжекъ и говорить:

„Антонъ Павловичъ Чеховъ поздравляетъ васъ съ елкой, желаетъ всего хорошаго и посылаетъ на память книги“.

Я ничего не понимаю, растерянно держу книги. А кругомъ смѣются и аплодируютъ. Раскрываю одну книгу—„Каптанка“ Чехова, съ надписью такому-то на добрую память отъ автора; другую, третью—все его книжки и на всѣхъ его надпись. Всего было пять книжекъ.

Удивительно онъ былъ ласковъ иногда и умѣлъ порадовать человека.

Послѣ я узналъ, какъ случилось, что онъ прислалъ мнѣ книги. Попечительница школы, А. П. Комарова, обычно, по случаю елки, дѣлала маленькіе подарки и учителямъ. Она купила чеховскую *Каптанку* и чрезъ кого-то попросила автора сдѣлать на книжкѣ надпись. А. П.—чѣмъ охотно это сдѣлалъ и отъ себя еще добавилъ нѣсколько бывшихъ подъ рукою книжекъ.

Послѣ этого случая я рѣшилъ опять сходить къ Чехову. Онъ принялъ привѣтливо, спрашивалъ о елкѣ, жалѣлъ, что самъ не пришелъ къ намъ, и опять приглашалъ къ себѣ.

И до Пасхи я былъ у него нѣсколько разъ.

Въ этотъ первый годъ я всегда заставлялъ у него кого-нибудь. Были пріѣзжіе и мѣстные люди.

Начинался общій разговоръ.

Первое, что сразу стало замѣтно, это большая скромность Чехова. Когда въ комнатѣ было нѣсколько человѣкъ, не помню, чтобы когда-нибудь онъ велъ долгій разговоръ; онъ больше молчалъ и слушалъ; отвѣчалъ и разспрашивалъ.

Новый человѣкъ, не знавшій раньше писателя, едва ли выдѣлилъ бы его изъ ряда его собесѣдниковъ. Самая рѣчь его не была красива. Онъ говорилъ отрывисто, короткими предложеніями, немного глухимъ, хотя пріятнымъ, небольшимъ басомъ. Слова его собесѣдниковъ бывали красивѣе и наряднѣе его словъ. Его же слова были будничныя, простыя и сѣрыя. Но среди этихъ обыкновенныхъ словъ вдругъ говорилось какое-нибудь одно характерное, намекъ, фраза, и мысль начинала видѣть человѣка, о которомъ говорятъ, событіе, которое обсуждаютъ,—видѣть ближе, вѣрнѣе, существеннѣе, чѣмъ когда о нихъ говорилось многими и красивыми словами. Красивыя слова забывались. Его же простыя слова оставались въ памяти; и когда въ послѣдствіи приходилось опять думать объ этомъ предметѣ, то думалось о немъ не тѣми красивыми словами, а этими простыми. И дѣлалось ясно, что простыя „чеховскія“ слова были вѣрнѣе, ближе къ предмету рѣчи, какъ его простые рассказы признаны вѣрнѣе другихъ описывающими истинную дѣйствительность нашей сумеречной жизни.

4.

Все это время, насколько можно было замѣтить, А. П.—чѣ былъ очень бодръ и дѣятеленъ. Часто гулялъ, купался. Помню встрѣчи съ нимъ на набережной; помню его въ аутской церкви на похоронахъ одного ялтинскаго врача; приглашалъ онъ меня пойти пѣшкомъ въ Алупку или Гурзуфъ.

Передъ Пасхой онъ уѣзжалъ. Я простился съ чувствомъ глубокой къ нему благодарности. Разумѣется, я думалъ, что едва ли когда-нибудь еще придется повидаться съ нимъ и, конечно, онъ скоро забудетъ одного изъ многочисленныхъ, случайныхъ знакомыхъ.

И опять я ошибся: на третій день Пасхи мнѣ принесли съ почты цѣлую кипу газетъ отъ А. П.—ча. Можно понять, какъ меня, одинокаго и полубольного, въ дни праздника, когда кругомъ были веселые и счастливые, растрогала эта его память. Съ этого времени, гдѣ бы Чеховъ ни былъ—въ Москвѣ, въ Мелиховѣ, въ дорогѣ, каждые два-четыре дня онъ постоянно присылалъ мнѣ *Сѣверный Край*. Въ послѣдствіи, когда онъ переселился въ Ялту, мнѣ же пришлось оттуда уѣхать, онъ присылалъ газету, по моему новому адресу, изъ Ялты. Года три или четыре, пока судьба опять не привела въ этотъ городъ и меня, А. П.—чѣ каждые два-три дня не уставалъ и не забывалъ присылать мнѣ газету.

Послѣ его смерти пришлось прочитать, что покойный писатель во-

обще любилъ заклеивать и надписывать бандероли. Можетъ быть; но думаю, что, по крайней мѣрѣ, въ моемъ случаѣ было больше любви къ человѣку, чѣмъ къ бандеролямъ.

Потомъ А. П.—чѣ еще пріѣзжалъ въ Ялту и уѣзжалъ изъ нея. Онъ началъ дѣло постройки въ Ауткѣ своей дачи. Наконецъ, пріѣхалъ со-всѣмъ и поселился въ своемъ домѣ.

Былъ замѣчательно хорошій, полный блеска и тепла, весенній день. Чеховъ стоялъ на балконѣ своей дачи, смотрѣлъ на садикъ передъ ней и чему-то усмѣхался. Кажется, мнѣ еще не приходилось видѣть его въ такомъ бодромъ, приподнятомъ настроеніи. Домъ еще не былъ конченъ постройкой; садикъ только намѣчался. А. П.—чѣ жилъ пока во флигелѣ.

Онъ водилъ меня по комнатамъ, показывалъ, гдѣ и что предполагать сдѣлать; гулялъ въ садикѣ, рассказывалъ, какія хочетъ сдѣлать насажденія, какъ устроить садъ. Угощалъ потомъ виноградомъ, говоря шутливо, что это изъ „собственныхъ виноградниковъ“.

Вообще онъ въ это время былъ полонъ всякихъ плановъ и надеждъ. И когда, наконецъ, устроился на дачѣ совсѣмъ, оживленіе не покидало его. Домъ его находился довольно далеко отъ центра города, но онъ бывалъ въ городѣ довольно часто. Какъ-то утромъ я встрѣтилъ его такъ: Чеховъ идетъ, постукивая палкой, веселый и оживленный; за нимъ идетъ служившій у него турокъ съ корзиной.

„Иду на базаръ“,—сказалъ А. П.—чѣ на мой вопросъ.

Въ это время онъ охотно знакомился съ мѣстными людьми, широко отзывался на мѣстныя нужды. Между прочимъ онъ принялъ званіе члена училищнаго совѣта; далъ взаймы довольно большую сумму на одну изъ нашихъ школъ; записался членомъ попечительства при аутской церкви; сдѣлалъ пожертвованіе въ греческую церковь, въ приходѣ которой находилась его дача, и, кажется, на татарскую мечеть. Впослѣдствіи возникла мысль пригласить А. П.—ча попечителемъ одной изъ земскихъ школъ; помню, что онъ согласился, но какъ и чѣмъ кончилось это дѣло—не могу сказать.

Бывалъ А. П.—чѣ въ женской гимназій, съ начальницей которой, какъ и съ нѣкоторыми преподавателями, былъ хорошо знакомъ; онъ принялъ на себя званіе члена попечительнаго совѣта гимназій.

Одно время А. П.—чѣ какъ бы взялъ подъ свое покровительство ялтинскихъ грековъ. Греки, „аутскіе греки“, были его сосѣди. Въ старое, впрочемъ, не очень давнее время Аутка была деревней, населенной греками. Въ Ауткѣ была и греческая церковь. Умирая, многіе греки, люди вообще очень привязанные къ церкви, оставляли „на поминъ души“ земельные участки. Когда Ялта стала быстро заселяться, Аутка соединилась съ Ялтой и вошла въ черту города. И мало-по-малу греки были вытѣснены дальше, на гору, въ такъ называемую Верхнюю Аутку. Гре-

ческая церковь, находившаяся въ Нижней Ауткѣ, стала считаться русской, священниковъ къ ней посвящали русскихъ, и богослуженіе совершали въ ней уже на славянскомъ языкѣ. Греческой же осталась небольшая, невзрачная, даже не каменная, а деревянная церковка св. Теодора Тирона въ Верхней Ауткѣ. Она къ тому же не была самостоятельна, а приписана къ русской церкви.

И къ тому времени, какъ Чеховъ поселился въ Ауткѣ, между греками и русскими шли острые споры по случаю назначенія новыхъ священниковъ, перестройки церквей, относительно церковнаго имущества и пр. Представители грековъ во главѣ со священникомъ явились къ Чехову и просили его взять на себя защиту ихъ дѣла. А. П.—чѣ согласился на ихъ просьбу, принявъ въ дѣлѣ большое участіе, былъ съ документами, которые они дали ему, у архіерея. Противная партія не понимала, отчего онъ хлопочетъ, была раздражена и толковала, что онъ самъ грекъ, потому и хлопочетъ за грековъ.

Къ нашей школѣ А. П.—чѣ относился очень тепло. Съ удовольствіемъ о ней слушалъ, разспрашивалъ и смѣялся разнымъ маленькимъ анекдотамъ, которые у насъ нерѣдко случались. Ученицы школы были большею частью дѣти тѣхъ же аутскихъ грековъ и жили на той же улицѣ, что и онъ. Почти все это были бѣдные дѣти.

А. П.—чѣ какъ-то зашелъ въ школу, спросилъ учителя. Его не было. Тутъ-то дѣвочки въ первый разъ и познакомились съ писателемъ. Потомъ онъ постоянно встрѣчалъ ихъ на улицѣ, маленькихъ, съ большими связками книгъ, и заговаривалъ съ ними. И иногда, прибѣжавъ въ школу, дѣти съ восторгомъ сообщали, что Чеховъ говорилъ съ ними. Иной разъ надо было послать А. П.—чу книги. Попросишь снести ихъ одну дѣвочку, идутъ непременно двѣ или три. Онѣ любили бѣгать на „бѣлую дачу“, какъ въ Ауткѣ скоро прозвали чеховскую дачу; иногда ссорились изъ-за того, кому итти. Онъ давалъ имъ иногда гостинцы, присылалъ для нихъ нѣкоторыя дѣтскія книжки. Разъ предложилъ: напишите, какія книжки вамъ хотѣлось бы имѣть въ школѣ; я привезу ихъ“. И, дѣйствительно, возвратившись изъ Москвы, онъ привезъ всѣ книжки, которыя были записаны. Приблизительно къ этому времени относится пріѣздъ въ Ялту московскаго Художественнаго театра. Пріѣздъ московскихъ артистовъ, да еще такого театра, былъ настоящимъ и большимъ праздникомъ для города. Билеты раскупались нарасхватъ. Изъ чеховскихъ пьесъ играли „Чайку“ и „Дядю Ваню“. Авторъ былъ въ театрѣ; его привѣтствовали взволнованно, радостно и шумно.

5.

Мнѣ пришлось раза два докучать Антону Павловичу своими произведеніями. Вотъ что высказалъ онъ въ разное время по поводу писательства.

Я просилъ прочитать рассказъ.

„Знаете, — началъ онъ говорить, когда прочелъ, — прежде всего о начинающемъ писателѣ можно судить по языку. Если у автора нѣтъ „слога“, онъ никогда не будетъ писателемъ. Если же есть слогъ, свой языкъ, онъ, какъ писатель, не безнадеженъ. Тогда можно разсуждать о другихъ сторонахъ его писаній“.

Онъ всталъ съ моей тетрадью въ рукахъ и перегнулъ ее пополамъ.

„Начинающіе писатели часто должны дѣлать такъ: перегните пополамъ и разорвите первую половину“.

Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

„Я говорю серьезно, — сказалъ Чеховъ. — Обыкновенно начинающіе стараются, какъ говорить, „вводить въ рассказъ“, и половину напишутъ лишняго. А надо писать, чтобы читатель безъ поясненій автора, изъ хода разсказа, изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, изъ ихъ поступковъ понялъ, въ чемъ дѣло. Попробуйте оторвать первую половину вашего разсказа; вамъ придется только немного измѣнить начало второй и разсказъ будетъ совершенно понятенъ. И вообще, не надо ничего лишняго. Все, что не имѣетъ прямого отношенія къ разсказу, все надо безпощадно выбрасывать. Если вы говорите въ первой главѣ, что на стѣнѣ виситъ ружье, во второй или третьей главѣ оно должно непременно выстрѣлить. А если не будетъ стрѣлять, не должно и висѣть. Потомъ, — говорилъ онъ, — надо дѣлать разсказъ живѣе, разговоры прерывать дѣйствіями. У васъ Иванъ Ивановичъ любитъ говорить. Это ничего, но онъ не долженъ говорить сплошь по цѣлой страницѣ. Немного поговорилъ, а потомъ пишете: Иванъ Ивановичъ всталъ, прошелся по комнатѣ, закурилъ, постоялъ у окна“.

Нѣкоторое время спустя, посылая А. П.—чу книжку журнала, я вложилъ въ нее другой небольшой разсказецъ, не предупредивъ его. Вечеромъ звонить телефонъ.

— Чей разсказъ вложенъ въ книгу *Русскаго Богатства*? — спрашиваетъ А. П.—чъ.

— Мой.

— Приходите ко мнѣ.

Когда я пришелъ, А. П.—чъ объявилъ мнѣ:

„Разсказъ хорошій. Давайте пошлемъ его — только куда?“

Я предлагаю... и онъ назвалъ два журнала и одну газету.

— Куда вамъ больше хотѣлось бы?

Я назвалъ одинъ изъ журналовъ, впрочемъ, спросилъ:

— Да помѣстятъ ли?

— Думаю, что помѣстятъ, — сказалъ А. П.—чъ, — если бы я былъ редакторомъ, непременно бы помѣстилъ.

Вообще онъ оживился и проявилъ большое участіе.

— Мнѣ не нравится ваше заглавіе. Надо другое. Я назвалъ бы рассказъ такъ: „Глупости Ивана Ивановича“.

Признаюсь, я не ждалъ такого заглавія. Похожденія моего героя не казались мнѣ глупостями. Неожиданное названіе освѣтило ихъ съ новой стороны и, посмѣявшись надъ собой, я долженъ былъ признать его болѣе подходящимъ, чѣмъ то, которое написалъ самъ.

Затѣмъ А. П.—чѣ сталъ говорить.

„Въ двухъ мѣстахъ я немного вычеркнулъ. Я уже говорилъ: не дѣлайте авторскихъ поясненій. Пусть обо всемъ, о чемъ надо, говорятъ тѣ лица, которыхъ вы описываете. Смотрите, недавній рассказъ Н.,— А. П.—чѣ назвалъ имя извѣстнаго писателя,—прекрасный рассказъ, но авторъ портитъ его поясненіями. Мнѣ ихъ прямо непріятно читать; я не понимаю этого. Въ рассказѣ не должно быть публицистики.—Затѣмъ онъ подумалъ и проговорилъ:—Совѣтую передѣлать конецъ. У васъ Иванъ Ивановичъ женится. Ужели онъ такъ много выстрадалъ и много думалъ только для того, чтобы жениться? Лучше, если бы конецъ былъ другой, иного характера“.

Кончивъ о самомъ рассказѣ, А. П.—чѣ сказалъ:

— Теперь придумаемъ вамъ псевдонимъ. У васъ плохая фамилія, не звучная.

— Ужели на это слѣдуетъ обращать вниманіе?

— Слѣдуетъ. Станете писать еще; рассказъ будетъ кончатся какъ-нибудь эффектно, и вдругъ подпись...—онъ назвалъ мою фамилію и засмѣялся,—не хорошо!

Потомъ опять заговорилъ серьезно:

„Вообще слѣдуетъ избѣгать некрасивыхъ, неблагозвучныхъ словъ. Я не люблю словъ съ обиліемъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ, избѣгаю ихъ.—Прощаясь, онъ спросилъ:—А вы знаете, какъ переписывать для печати?—Остановилъ меня снова, нарѣзалъ бумаги, сказалъ, что слѣдуетъ писать только на одной сторонѣ листка, указалъ, гдѣ ставить цифры.—Перепишите на этой бумагѣ и принесите мнѣ“.

Когда я переписалъ, онъ самъ послалъ рассказъ въ редакцію журнала.

„Чтобы стать настоящимъ писателемъ,—училъ онъ,—надо посвятить себя исключительно этому дѣлу. Дилетантство здѣсь, какъ и вездѣ, не дастъ уйти далеко. Въ этомъ искусствѣ, какъ во всякомъ, нуженъ талантъ, но и трудъ. Надо трудиться самымъ настоящимъ образомъ. И прежде всего надъ языкомъ. Надо вдумываться въ рѣчь, въ слова. Вы обращали вниманіе на языкъ Толстого? Громадные періоды, предложенія нагромождены одно на другое. Не думайте, что это случайно, что это недостатокъ. Это искусство, и оно дается послѣ труда. Эти періоды производятъ впечатлѣніе силы“.

Какъ-то я пришелъ къ нему.

„Вотъ,—сказалъ онъ,—читаю Гоголя. Интересный языкъ, какая богатая мозаика!—Впрочемъ, больше всего А. П.—чѣ хвалилъ языкъ Лермонтова.—Я не знаю языка лучше, чѣмъ у Лермонтова,—говорилъ онъ не разъ.—Я бы такъ сдѣлалъ: взять его разсказъ и разбиралъ бы, какъ разбирають въ школахъ,—по предложеніямъ, по частямъ предложенія... Такъ бы и учился писать. А вы замѣчаете,—говорилъ онъ еще,—какъ вообще развивается, улучшается языкъ? Замѣтили ли вы, какъ теперь выбрасываютъ слова, которые недавно считали невозможнымъ опускать. Еще недавно, наприм., писали: нѣсколько лѣтъ *тому* назадъ; теперь же всѣ пишутъ: нѣсколько лѣтъ назадъ, выпуская слово *тому*. Выходитъ хорошо, и только удивляешься: зачѣмъ прибавляли это ненужное слово? Въ газетахъ пишутъ очень небрежно,—замѣтилъ онъ, тоже говоря о языкѣ:—про меня въ Таганрогѣ печатають такъ: нашъ *соотечественникъ* Чеховъ“...

6.

Насколько помнится, за время жизни А. П.—ча въ Ялтѣ появились въ печати его вещи: „Въ оврагѣ“, „Архіерей“, „Невѣста“, „Вишневый садъ“ и, можетъ быть, еще что-нибудь. Вмѣстѣ съ книгой журнала, въ которой была напечатана повѣсть „Въ оврагѣ“, А. П.—чѣ далъ мнѣ номеръ газеты.

„Прочитайте повѣсть и прочитайте въ этой газетѣ отзывъ о ней“.

Газета была, кажется, нижегородская; въ ней была помѣщена статья о Чеховѣ Горькаго, по поводу новой повѣсти.

— Скажите, А. П.—чѣ,—спросилъ я, прочитавъ повѣсть,—это село, о которомъ вы говорите, семья, которую описываете, знали вы что-нибудь подобное? Ужели жизнь крестьянъ такъ дурна?

— Я описываю тутъ жизнь, какая встрѣчается въ среднихъ губерніяхъ, я ее больше знаю. И купцы Хрымины есть въ дѣйствительности. Только на самомъ дѣлѣ они еще хуже. Ихъ дѣти съ восьми лѣтъ начинаютъ пить водку и съ дѣтскихъ же лѣтъ развратничаютъ; они заразили сифилисомъ всю округу. Я не говорю объ этомъ въ повѣсти,—прибавилъ онъ,—потому что говорить объ этомъ считаю нехудожественнымъ.

Послѣднія слова А. П.—чѣ подчеркнулъ; это былъ какъ бы отвѣтъ на увлеченіе описывать отвратительныя стороны жизни, увлеченіе, которое тогда понемногу начинало проникать въ литературу и о которомъ шелъ передъ тѣмъ разговоръ.

Я сказалъ, что больше всего мнѣ нравилась глубоко-трогательная исторія о томъ, какъ ночью Липа несла гробикъ со своимъ мертвымъ ребенкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти страницы даже изъ чеховскихъ замѣчательны по своей красотѣ, чувству, художественности.

„А знаете,—сказалъ А. П—чѣ,—вотъ то, что мальчика Липы обварили кипяткомъ, это не исключительный случай; земскіе врачи нерѣдко встрѣчаютъ такіе случаи. Впрочемъ, я рѣшилъ больше ничего не писать изъ жизни крестьянъ“.

Когда чеховскій „Архіерей“ появился въ печати, Антонъ Павловичъ говорилъ, что это его старый, ранѣе написанный рассказъ, который онъ теперь передѣлалъ.

Нижесказанное имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ разсказу.

Въ кабинетѣ А. П—ча среди карточекъ писателей, артистовъ и, можетъ быть, просто знакомыхъ ему людей есть одна довольно необычная. На ней изображенъ человѣкъ въ одеждѣ духовнаго лица, и вмѣстѣ съ нимъ старушка въ темномъ простомъ платьѣ.

Исторія этой карточки такова.

Какъ-то, еще когда жилъ на дачѣ Иловойской, А. П—чѣ вернулся изъ города очень оживленный. Случайно онъ увидалъ у фотографа карточку таврическаго епископа Михаила. Карточка произвела на него впечатлѣніе, онъ купилъ ее и теперь дома опять разсматривалъ и показывалъ ее.

Епископъ этотъ (Михаилъ Грибановскій) незадолго до того умеръ. Это былъ одинъ изъ умнѣйшихъ архіереевъ нашихъ, съ большимъ характеромъ. Считается онъ въ духовной средѣ какъ бы основателемъ новаго, такъ называемаго ученаго, монашества. Помнится, въ рѣчахъ при его погребеніи это было высказано всенародно. Во всякомъ случаѣ преосвященный Михаилъ имѣлъ большое вліяніе на многихъ, и по слухамъ почитатели прочли его въ патріархи русской церкви. Передъ тѣмъ, какъ пріѣхать въ Крымъ, онъ жилъ въ Афинахъ, былъ тамъ настоятелемъ нашей посольской церкви.

Лично А. П—чѣ его не зналъ.

Преосвященный Михаилъ былъ еще не старый, но жестоко страдавшій отъ чахотки человѣкъ. На карточкѣ онъ былъ снятъ вмѣстѣ со старушкой матерью, вѣрно какой-нибудь сельской матушкой, вдовой дьякона или дьячка, пріѣхавшей къ сыну-архіерею изъ тамбовской глуши.

Лицо его очень умное, одухотворенное, изможденное и съ печальнымъ, страдальческимъ выраженіемъ. Онъ приникъ головой къ старушкѣ; ее лицо было тоже чрезвычайно своей тяжелой скорбью.

Впечатлѣніе отъ карточки было сильное; глядя на нихъ—мать и сына,—чувствуешь, какъ тяжело бываетъ человѣческое горе, и хочется плакать.

Помню, когда Чеховъ показалъ карточку Горькому, послѣдній тоже заинтересовался и воскликнулъ, разсматривая лицо епископа:

„Какой мужчина, какой мужчина!“

А. П.—что разспрашивалъ о преосвященномъ Михаилѣ; потомъ ему посылалъ книжку преосвященнаго „Надъ Евангелиемъ“—думы покойнаго епископа по поводу нѣкоторыхъ евангельскихъ рѣчей и событій.

Мысль объ архіерее, очевидно, стала занимать А. П.—ча.

„Вотъ,—сказалъ онъ какъ-то,—прекрасная тема для разсказа. Архіерей служить утрени въ Великій четвергъ. Онъ боленъ. Церковь полна народомъ. Пѣвчіе поютъ. Архіерей читаетъ Евангеліе страстей. Онъ проникается тѣмъ, что читаетъ; душу охватываетъ жалость ко Христу, къ людямъ, къ самому себѣ. Онъ чувствуетъ вдругъ, что ему тяжело, что онъ можетъ скоро умереть, что можетъ умереть сейчасъ. И это его чувство—звуками ли голоса, общей ли напряженностью чувства, другими ли, невидными и непонятными путями—передается тѣмъ, кто съ нимъ служитъ, потомъ молящимся, одному, другому, всѣмъ. Чувствуя приближеніе смерти, плачетъ архіерей, плачетъ и вся церковь“.

И вся церковь, вмѣстѣ съ нимъ, проникается ощущеніемъ смерти, неотвратимой, уже идущей. Преосвященный Петръ (архіерей чеховскаго разсказа) тоже служилъ прежде за границей, къ нему пріѣзжаетъ мать, вдова сельскаго дьякона; онъ читаетъ Евангеліе страстей. О служеніи его всенощной подъ Вербное воскресенье говорится такъ: „и почему-то слезы потекли у него по лицу. На душѣ было покойно, все было благополучно, но онъ неподвижно глядѣлъ на лѣвый клиросъ, гдѣ читали, гдѣ въ вечерней мглѣ уже нельзя было узнать ни одного человѣка, и—плакалъ. Слезы заблестѣли у него на лицѣ, на бородѣ. Вотъ вблизи еще кто-то заплакалъ, потомъ дальше кто-то другой, потомъ еще и еще, и мало-по-малу церковь наполнилась тихимъ плачемъ“.

Если припомнимъ все это, то связь разсказа съ карточкой преосвященнаго Михаила и съ планомъ разсказа, о которомъ говоритъ Антонъ Павловичъ, будетъ очевидна.

Впрочемъ, разсказъ появился въ печати года три спустя. Таврическимъ епископомъ былъ уже преосвященный Николай, нынѣ архіепископъ варшавскій. И когда разсказъ былъ напечатанъ, въ Ялтѣ заговорили, что А. П.—что описалъ въ разсказѣ именно этого епископа.

Почему заговорили объ этомъ?

Можетъ быть, потому, что преосвященнаго Михаила уже мало кто помнилъ; ¹⁾ можетъ быть, слышали, что по дѣлу о грекахъ А. П.—что былъ у преосвященнаго Николая.

Эти разговоры дошли до Чехова. Помню, онъ сказалъ:

„Слушайте, говорятъ, что я описывалъ вашего архіерея; вздоръ, я

---

¹⁾ Помните конецъ разсказа: „Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли“. Это удивительно хорошо отмѣченная черта.

не имѣлъ его въ виду. И если кто при васъ будетъ это говорить, такъ и скажите, что вздоръ“.

Кого же А. П.—чѣ описалъ въ своемъ разсказѣ, какого архіерея?

Очевидно, никакого въ частности. Его архіерей имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ преосвященному Михаилу, но въ общемъ, какъ характеръ, какъ личность, не похожъ на него.

7.

Приходилось говорить съ Антономъ Павловичемъ о церкви и церковныхъ дѣлахъ. У него былъ интересъ къ церковному быту. Онъ зналъ многое изъ того, что относится къ богослуженію, къ церковнымъ обрядамъ, къ религіознымъ обычаямъ.

Онъ разсказывалъ, что въ дѣтствѣ иногда шѣлъ на клиросѣ, въ домѣ дяди встрѣчалъ много аеонскихъ монаховъ, которые пріѣзжали въ Таганрогъ по дѣламъ своихъ монастырей; дядя его былъ церковнымъ старостой и т. д.

„Знаете,—сказалъ онъ разъ,—люди моего возраста, воспитываясь, еще имѣли „знакомство“ съ церковью; у меня были религіозны отецъ, мать, дядя; мы знаемъ кое-что о церкви, что-то въ насъ держится... Растетъ новое поколѣніе, которое совсѣмъ не знаетъ церкви. Что вы будете съ нимъ дѣлать?“

Позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ разсказа „Мужики“, въ которыхъ высказаны наблюденія Антона Павловича относительно религіозной стороны деревни. Онъ считалъ свои наблюденія вѣрными и устно говорилъ въ такомъ же родѣ.

„Старикъ (глава семьи) не вѣрилъ въ Бога, потому что никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однихъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:“

„А кто-жъ его знаетъ!“

„Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образами и шептала:“

„Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери...“

„Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ; не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное“.

Такъ въ семьѣ, которую Чеховъ описываетъ.

„Но въ прочихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ... Смерти боялись только богатые мужики, которые чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души, и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны... На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженіе пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку“.

Итакъ, „мужики“ были безнадежны въ религіозномъ отношеніи?

Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ описаніе церковнаго торжества,—описаніе, изъ котораго видно, съ какою страстью, съ какимъ голодомъ рвутся души несчастныхъ людей къ Богу и Его правдѣ.

„Впрочемъ, и въ Жуковѣ, въ этой Холщевкѣ, происходило разъ настоящее религіозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились навстрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьянъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

„Заступница, матушка! Заступница!“

„Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжелой, невыносимой нужды, отъ страшной водки.“

„Заступница, матушка!—рыдала Марья.—Матушка!“

„Такъ желали они Бога, справедливой, честной и чистой жизни, но томились въ сѣтяхъ жестокости, невѣжества и пьянства. Ибо не было тѣхъ, кто имъ помочь бы.“

„...Всѣ любили священное писаніе, любили нѣжно, благоговѣнно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять“...

Некому—вотъ невыносимо тяжелое слово.

„Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся также отвратительно“.

„Я поражаюсь,—говорилъ Антонъ Павловичъ,—какъ бездѣтельно духовенство. Православіе—я говорю о средней Россіи, которую знаю больше—трещитъ по всѣмъ швамъ, а у васъ палецъ о палецъ не ударятъ, чтобы поднять, чтобы оживить свое дѣло“.

И какъ-то со сдержаннымъ негодованіемъ онъ сказалъ:

„Жаль, что у насъ нѣтъ сатиры на духовенство. Салтыковъ не лю-

билъ духовенство, но сатиры на него не далъ. А жалъ. Мы кричимъ,—говорилъ онъ опять,—что у насъ вѣра крѣпка, что народъ болѣе религіозенъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Но гдѣ помогающая, дѣятельная сила церкви? Въ деревняхъ пьянство, невѣжество, сифилисъ. У васъ, у русскаго духовенства, есть, наприм., громадное преимущество предъ католиками: вы женаты. Какое это прекрасное условіе для священника. Создавъ хорошую семью, какъ могъ бы священникъ воспитательно дѣйствовать на народъ, внести въ крестьянскую семью мягкость и деликатность отношеній, нравственность. У васъ же бываетъ—я это знаю хорошо—сыновья священниковъ иногда учатъ деревню разврату. Плохо дѣло. У насъ все лучше и вѣры больше, а вотъ у протестантовъ самое уважаемое лицо въ селѣ—пасторъ. Уважаютъ ли такъ у насъ священниковъ? Среди католическихъ прелатовъ много настоящихъ святыхъ“.

Впрочемъ, не надо думать, что Антонъ Павловичъ отрицательно относился къ цѣлому сословію. Онъ рассказывалъ, что прежде у него было довольно много знакомыхъ среди духовныхъ.

„Теперь мало,—прибавилъ онъ.—У насъ, въ Таганрогѣ, въ старое время былъ протоіерей Бандаковъ; былъ извѣстенъ, какъ духовный писатель и какъ очень хорошій человѣкъ. Имѣлъ смѣлость въ церкви открыто и опредѣленно обличать за грѣхи нѣкоторыхъ своихъ прихожанъ. Случалось, и терпѣлъ за это“.

Впрочемъ, доброе и невраждебное отношеніе А. П.—ча къ отдѣльнымъ лицамъ изъ духовенства ясно видится изъ многихъ его рассказовъ, какъ „Кошмаръ“, „Архіерей“, „Степь“ и др.

Что онъ требовалъ, чего желалъ отъ священника?

„Антонъ Павловичъ,—спросилъ у него какъ-то знакомый священникъ,—скажите, что, по-вашему мнѣнію, долженъ при настоящихъ условіяхъ дѣлать священникъ?“

„Знаете,—сказалъ онъ,—будьте всегда безкорыстны и честны, и это будетъ большое дѣло“.—А еще раньше говорилъ: „Слѣшайте, отправляйте хорошо церковную службу, понятно, всю, и будьте увѣрены: народъ пойдетъ къ вамъ“. И еще: „Вотъ отецъ Иванъ Кронштадтскій, что собственно онъ дѣлаетъ? Отдаетъ деньги, которыя ему приносятъ. А смотрите, какъ къ нему относятся“.

8.

Убѣжденно онъ сказалъ одинъ разъ:

„Такую вѣру я понимаю: священникъ идетъ служить молебенъ о прекращеніи засухи и настолько увѣренъ въ силѣ молитвы, что беретъ съ собою дождевой зонтъ. Это вѣра“.

Тогда я спросилъ о томъ, о чемъ давно хотѣлъ спросить:

— Антонъ Павловичъ, вѣрите вы въ личное безсмертіе?

— Знаете,—отвѣтилъ онъ,—объ этомъ надо говорить подумавъ и хорошо. Я поговорю съ вами объ этомъ послѣ.

Не знаю, мнѣ тогда не показалось, что онъ хочетъ уклониться отъ отвѣта. Онъ былъ очень серьезенъ, и мнѣ показалось, что онъ, дѣйствительно, намѣренъ говорить объ этомъ. Былъ онъ береженъ къ этимъ вопросамъ и очень деликатенъ къ чужимъ вѣрованіямъ. Иногда скажешь что-нибудь, онъ не возражаетъ. Но потомъ узнаешь, что онъ не былъ согласенъ, но молчалъ, чтобы отрицаніемъ не причинить собесѣднику печали.

Впрочемъ, въ немъ чувствовалась далеко не одна деликатность къ лучшей вѣрѣ, терпимость равнодушія, но въ самомъ дѣлѣ онъ тепло относился къ иному въ церкви, чувствовалъ хорошее, что есть въ вѣрѣ, въ ея восторгахъ, въ ея проявленіяхъ; онъ понималъ красоту и смыслъ обряда, любилъ иное въ церковной формѣ.

Любилъ, напримѣръ, церковный звонъ. Въ его разсказахъ много разъ говорится о звонѣ колоколовъ.

„Я слышалъ, что въ Новомъ соборѣ будетъ хорошій звонъ. Послушаемъ!—съ чувствомъ удовольствія сказалъ онъ, когда заговорили объ освященіи въ Ялтѣ новой церкви. И въ другой разъ говорилъ:—Я стараюсь на Пасху уѣзжать въ Москву; здѣсь и звона настоящаго не услышишь... А что за Пасха безъ звона!“

Ему нравилось еще, когда огонекъ лампадки теплился гдѣ-нибудь на кладбищѣ.

Онъ любилъ простыхъ, непосредственно-религіозныхъ людей. Хорошо отзывался о мѣстномъ священникѣ-грекѣ, добродушномъ и простомъ человѣкѣ. Священникъ собиралъ деньги на постройку церкви. А. П.—чѣ хвалилъ его.

„Смотрите, какую церковь строить о. Василій. Молодецъ, ему надо что-нибудь пожертвовать.—А о. Василию говорилъ нѣсколько разъ:—Хорошая у васъ колокольная, надо бы колоколъ хорошій вамъ, пудовъ въ сто“.

Онъ далъ на постройку сто рублей; чеховская же серебряная лампадка виситъ за престоломъ въ греческомъ ялтинскомъ храмѣ.

Когда священникъ приходилъ къ нему на дачу, къ нему выбѣгала подъ благословеніе старушка кухарка.

„Она очень религіозная,—говорилъ, улыбаясь, Чеховъ.—Вы видите, что и дворникъ сталъ такимъ же. Скоро она тутъ всѣхъ въ свою вѣру обратитъ; настоящая религіозность подчиняетъ“.

И говорилъ съ самой доброй улыбкой.

Въ домѣ Чехова, пожалуй, больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Ялтѣ, находилъ пріютъ старый сборщикъ „на построеніе храма“.

Случалось, А. П.—чѣ читалъ духовные журналы и нѣкоторыя книги

религіознаго характера. Онъ читалъ нѣкоторыя статьи въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*—журналѣ, который издается при московской духовной академіи, и въ другомъ журналѣ *Миссіонерское Обозрѣніе*. Въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* А. П.—ча интересовали „Автобіографическія записки“ Саввы, тверскаго архіепископа. Вычитавъ что-нибудь любопытное, онъ говорилъ:

„Объ этомъ хорошо бы послать въ *Русскія Вѣдомости*“.

Въ послѣднее время возникли разговоры о томъ, вѣрующій былъ человѣкъ Чеховъ или невѣрующій. Не странно ли: Чеховъ много разъ говорить въ своихъ произведеніяхъ о религіи; описалъ множество вѣрующихъ и невѣрующихъ людей, священниковъ, діаконъ, монаховъ, даже архіерея, даже студента духовной академіи; осталось послѣ него большое количество писемъ къ близкимъ и дальнимъ людямъ, гдѣ не одинъ разъ онъ самъ говорить о вѣрѣ. И вотъ, между тѣмъ, спорять, вѣрилъ Чеховъ въ Бога или не вѣрилъ.

Я позволилъ бы себѣ припомнить его слова:

„Я боюсь тѣхъ, кто между строку ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ или консерваторомъ. Я не либераль, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только“ (письмо А. Н. Плещееву отъ 1891 г.).

Вотъ къ этимъ словамъ, если бы его спросили, думается, Антонъ Павловичъ прибавилъ бы: я ни вѣрующій, ни невѣрующій.

„Я атеистъ“, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Но вотъ въ другомъ: „Я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его (онъ говоритъ о Л. Н. Толстомъ) вѣру (письмо М. О. Меньшикову)“, а вѣдь Толстой не атеистъ. Въ разговорѣ же сказалъ: „Вотъ вѣру я понимаю: когда священникъ, идя молиться о дождѣ, беретъ съ собою зонтъ“. Но надо почти вѣрить, чтобы понимать такую вѣру.

Тамъ, въ искусствѣ, онъ хочетъ быть только свободнымъ художникомъ, такъ здѣсь онъ хочетъ остаться только терпимымъ, умнымъ, честнымъ человѣкомъ.

„Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь“ (письмо И. Л. Щеглову, 1888 г.).

Это—сказанная шутливо, но, думается, его серьезная мысль.

Онъ былъ скептикъ, но скептикъ благородный, готовый чутко и благодарно признать хорошее вездѣ, гдѣ его увидеть. Онъ понималъ глубокія основанія религіозной вѣры.

„Антонъ Павловичъ, вы видите—вѣра падаетъ вездѣ, думаете ли вы, что будетъ время, когда ея не будетъ?“—„Э, полноте! Пока будутъ живы люди, до тѣхъ поръ будетъ и вѣра“, сказалъ онъ горячо. При-

знавалъ онъ и положительное значеніе церкви, ея дѣйствительное, полезное вліяніе. „Вы пожертвовали на церковь, а вѣдь иные, пожалуй, не повѣрили бы этому“.—„Почему же мнѣ не пожертвовать,—проговорилъ онъ,—вы дѣлаете нравственное дѣло“.

И когда онъ писалъ: „дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ“, или: „всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять“,—развѣ можно думать, будто онъ писалъ это безъ печали, что это такъ. Если бы дѣтей учили молиться, говорили имъ о Богѣ, если бы крестьянамъ объясняли Священное Писаніе, разумѣется, онъ призналъ бы это положительнымъ, нужнымъ и цѣннымъ дѣломъ.

Въ вашей вѣрѣ есть мнѣ непонятное; въ вашемъ дѣлѣ есть неприятное мнѣ. Но я не могу не видѣть, что около вѣры живетъ, расцвѣтаетъ, ея корнями питается много хорошаго. И вотъ пишутся глубоко-религіозные рассказы.

Онъ вѣрилъ въ медленный, но неизбежный прогрессъ. Жизнь будетъ долго, долго улучшаться.

Я сказалъ бы, что Чеховъ былъ религіозной натурой въ томъ смыслѣ, что понималъ необходимость высшей идеи для человѣка, необходимость и красоту правды. Понималъ чутко, глубоко, жизненно; чувствовалъ мистическое, надмірное ея происхождение.

Но у него не было вѣры въ Живого, въ Личнаго Бога. Не отсюда ли и эта тихая, любящая печаль, которая такъ глубоко проникаетъ его религіозные рассказы? Хотѣлось бы ее сравнить съ печалью, когда теряютъ близкаго человѣка; не съ первой, не съ острой печалью. Уже нѣтъ остроты отчаянія; и живетъ, къ своему горю, любовь къ тому, что любилъ умершій, къ землѣ, по которой онъ ходилъ, къ тѣмъ вещамъ ея, около которыхъ работали руки его, къ которымъ прилежало его сердце. Не зная Бога, сознательно или безсознательно тосковало по Невѣдомомъ сердце человѣка; и былъ дорогъ ему огонь лампадки, мерцающій на кладбищѣ; беспокойная пасхальная ночь тревожила сердце (Святой ночью) и волновала мысль о великомъ значеніи того, что совершилось въ далекіе дни страданій Господа (Студентъ).

9.

Помню послѣднія зимы Антона Павловича въ Ялтѣ. Дорога въ дождливые дни дѣлалась грязной. Аутская улица, на которой стоитъ дача Чехова, довольно широкая около моря, гдѣ начинается, и нѣсколько дальше, уходя къ краю города, дѣлается узкой и шумной. Появляются торговые заведенія, кофейни; видна винная лавка, около которой грязные и пьяные люди пьютъ водку.

Идешь къ нему вечеромъ, изъ кофейенъ доносятся голоса грековъ и

татаръ, ругань пьяныхъ; смотришь на огни оконъ грязныхъ, некрасивыхъ домовъ, въ которыхъ живутъ неопратно и бѣдно,—такъ непохоже на „изящную“ жизнь, о которой мечталъ, по которой тосковалъ писатель, и душа наполняется грустью. Все къ нему пришло наконецъ, что кажется столь привлекательнымъ людямъ земли: слава, сравнительная независимость въ матеріальныхъ средствахъ; и громадная, порожденная его сочиненіями, атмосфера любви къ нему, нѣжной и теплой, гордость имъ едва не цѣлой громадной страны... А онъ, центръ этой атмосферы, ея виновникъ и творецъ, одинокій и больной, ходитъ въ своемъ небольшомъ кабинетѣ, томится, почти уже не заглядываетъ за предѣлы небольшого сада.

Въ это время, по вечерамъ, у него не было иногда никого. Онъ бывалъ скученъ, мало говорилъ, кашлялъ въ свернутую бумажку. Но всегда старался быть добрымъ, не дать понять, что ему тяжело. И, бывало, не замѣтишь, что ему нехорошо. Только послѣ, случайно, узнаешь, что было плохо, болѣла голова, повышалась температура.

А то нерѣдко бывалъ онъ оживленъ и разговорчивъ. Любилъ бесѣдовать о литературѣ, о писателяхъ; впрочемъ, охотно говорилъ обо всемъ.

Часто вспоминалъ сѣверъ, спрашивалъ:—вы не скучаете о сѣверѣ?

И когда слышалъ, что да, здѣсь скучно,—онъ оживлялся.

— И нельзя не скучать. То ли дѣло теперь у насъ! Какая здѣсь зима. Знаете,—говорилъ онъ, добродушно усмѣхаясь,—что я подмѣтилъ? Здѣсь всякій годъ удивляются: какая скверная зима, холодная, дождливая, не то, что прежде... А, въ сущности, сколько я здѣшнихъ зимъ ни помню, онѣ всегда были скверны.

Услыхалъ онъ такой случай изъ жизни на далекомъ сѣверѣ. Въ сельской церкви въ будній день служили утреню. За церковью начался обширный и пустынный зимою спускъ къ рѣкѣ. Прибѣжалъ волкъ и сѣлъ около окна, у стѣны алтаря. Это очень не понравилось дьякону. Скажетъ ектенію и торопится въ алтарь, тихонько барабанить въ стекло и грозить пальцемъ волку, чтобы уходилъ. Волкъ не уходитъ. Дьяконъ сердился, а сдѣлать ничего нельзя. Ни священнику, ни ему, ни понамарю нельзя бросить службу и выйти изъ церкви.

И волкъ просидѣлъ до конца службы, а потомъ убѣжалъ. Дьяконъ принялъ это обстоятельство какъ-то странно, чувствовалъ обиду и выходилъ изъ себя, рассказывая о волкѣ. А. П.—чу очень понравился этотъ случай; онъ не разъ вспоминалъ его и говорилъ:

„Если бы раньше, я написалъ бы объ этомъ рассказъ“. И потомъ, съ нѣкоторой непослѣдовательностью, добавлялъ: „Мнѣ здѣсь плохо. Въ Москвѣ я чувствую себя хорошо. Смотрите, здѣсь и лица все не русскія“.

Можно было замѣтить, что временами онъ волновался, былъ безпокоенъ духомъ.

Первое время сравнительнаго здоровья онъ все собирался пойти куда-нибудь пѣшкомъ.

„Знаете, пойдемте пѣшкомъ въ Гурзуфъ“. Потомъ мечталъ поѣхать въ Палестину. „Но видите,—говорилъ онъ,—если въ Палестину, то непременно и на Аѳонъ. Тамъ, говорятъ, очень интересно. Я давно туда собираюсь“.

Начиналъ онъ говорить объ уженіи рыбы на сѣверѣ. Рассказывалъ, какъ любилъ это дѣло. Возвратившись изъ предпоследней поѣздки въ Москву, съ особымъ удовольствіемъ сообщилъ, что гдѣ-то тамъ ловилъ рыбу. То говорилъ о насажденіяхъ въ своемъ саду, показывалъ растенія, читалъ книги по ботаникѣ. Въ общемъ, какъ сказано, бывалъ нерѣдко бодръ и оживленъ. Тогда говорилъ охотно о себѣ, о своей жизни.

„Я началъ печататься,—рассказывалъ онъ,—лѣтъ девятнадцати... Когда сталъ зарабатывать литературой двадцать рублей въ мѣсяцъ, я почувствовалъ себя хорошо; потомъ пятьдесятъ, наконецъ, семьдесятъ пять—это было ужъ совсѣмъ превосходно“. „Мнѣ было трудно,—говорилъ онъ другой разъ.—Я писалъ маленькіе рассказы, а ихъ долго не признавали, считали нестоящимъ дѣломъ. Знаете, кто намъ помогъ? Мопассанъ. Его признали, стали признавать и насъ. А то было такъ: придешь за отвѣтомъ въ редакцію юмористическаго журнала. Редакторъ даже не повернется, видишь только спину у подлеца. „Не принимать“. Теперь тѣ лица, которые раньше бранили, хвалятъ то самое, что ругали.“

Съ чувствомъ большой горечи онъ вспоминалъ, какъ напечатали, что онъ „безпринципный писатель“.

„Я тогда поѣхалъ на Сахалинъ, много уже написалъ. Мнѣ было тяжело“.

Я спросилъ: „Антонъ Павловичъ! Вы писали такъ много, какой изъ своихъ рассказовъ вы сами считаете лучшимъ?“ Онъ отвѣтилъ: „Не знаю; многихъ изъ своихъ рассказовъ я не помню. А то бываетъ, читаешь чей-нибудь рассказъ и кажется: это я писалъ лѣтъ десять назадъ“.

О томъ, что самъ онъ сейчасъ пишетъ, А. П.—чѣ не любилъ говорить. Впрочемъ, такъ какъ мысли и образы, въ сферѣ которыхъ онъ работалъ, очевидно, сильно имъ овладѣвали, онъ невольно разсуждалъ по поводу того, что писалъ въ это время. Это дѣлалось яснымъ послѣ: читаешь его новый рассказъ и видишь, что вотъ это или сходное съ этимъ слышалъ отъ него. Онъ говорилъ, что когда мысль новаго произведенія имъ овладѣетъ, онъ хранилъ настроеніе, работалъ нѣкоторое время усиленно.

„Въ это время,—сказалъ онъ,—гулять здѣсь (недалеко—въ Ялтѣ) я бы могъ и пошелъ, но въ Севастополь бы не поѣхалъ“.

И когда говорилъ,—все равно, о чемъ бы ни шла рѣчь,—онъ имѣлъ манеру ходить по комнатѣ и потомъ, не прерывая разговора, вдругъ садится къ столу и что-то запишетъ на клочкѣ бумаги.

Очевидно, онъ записывалъ такъ какую-нибудь мысль, фразу, которую вспоминалъ, и проч. Впрочемъ, такимъ же способомъ записывалъ для памяти и дѣловыя вещи. Онъ былъ очень аккуратенъ и точенъ въ мелочахъ. О чемъ-нибудь попросишь, А. П.—чѣмъ сядетъ и запишетъ. Пройдетъ время, забудешь самъ, о чемъ просилъ, а онъ вдругъ объявляетъ, что вотъ, наконецъ, онъ сдѣлалъ, что нужно, и отвѣтъ на просьбу вотъ какой. Удивисься, вспомнишь, и только станетъ стыдно, что заставлялъ его хлопотать объ этомъ.

Припоминается нѣсколько отчасти неприятныхъ, отчасти смѣшныхъ случаевъ изъ этого времени, касающихся А. П.—ча.

Въ газетахъ напечатали, что Чеховъ былъ въ Севастополь; между тѣмъ, онъ не могъ въ это время тамъ быть.

„Да, представьте себѣ,—объяснилъ онъ,—какая вышла исторія. Нѣднѣхъ звонить телефонъ, спрашиваютъ: разрѣшаете ли поставить пьесу (не помню—какую)? Кто говоритъ?“ „Полиція“.—„Знаю, что не полиція, голосъ актерскій, говорю: не разрѣшаю. И какъ видите, не только поставили, поставили здѣсь, потомъ въ Севастополь, и еще напечатали, что на представленіи въ Севастополь присутствовалъ авторъ“.

Другой разъ, уже не въ мѣстныхъ, а въ столичныхъ газетахъ появилась довольно длинная замѣтка такого содержанія. Гдѣ-то на Волгѣ, на пароходѣ, пассажиры приняли за Чехова одного господина. Господинъ не отрицалъ, что онъ Чеховъ. Но потомъ повелъ себя плохо, напился пьянъ и сталъ буянить. Только тогда разглядѣли, сообщила газета, что это не тотъ, за кого онъ себя выдавалъ. Настоящій же Чеховъ, дѣйствительно, ѣхалъ на пароходѣ и наблюдалъ всю исторію, но, разумѣется, былъ скромнень. Когда недоразумѣніе разъяснилось,—прибавляла газета,—публика удвоила вниманіе и уваженіе къ любимому писателю.

Разсказано было правдоподобно, даже горячо.

Когда А. П.—чу показали замѣтку, онъ разсмѣялся.

„Будьте увѣрены,—сказалъ онъ,—и первый Чеховъ былъ не я, но и второй, настоящій, тоже не я. Вы этому не удивляйтесь,—прибавилъ онъ,—про меня только одинъ разъ написали въ газетахъ правду. А то, знаете, недавно я получилъ письмо изъ Одессы отъ какого-то студента; онъ грубо спрашиваетъ, на какомъ основаніи я говорилъ невозможныя вещи его сестрѣ, когда ѣхалъ на пароходѣ въ Одессу. Или письмо съ Тихорѣцкой станціи отъ желѣзнодорожнаго служащаго: „Ми-

лостивый государь, Антонъ *Петровичъ*! Когда вы возвратите взятые тогда-то у меня деньги... Конечно, ни въ Одессу я не ѣздилъ, ни денегъ не занималъ на Тихорѣцкой станціи“.

10.

Не знаю, только ли это русская черта, или она есть и у другихъ—ходить къ писателю, какъ къ духовнику на исповѣдь. У Чехова—знаю это—многіе бывали не какъ у писателя—поговорить о литературѣ, объ общественныхъ и другихъ дѣлахъ, а какъ у человѣка, которому можно сказать то, что другому не скажешь; а сказать надо, пожаловаться на свои обиды, подѣлиться личнымъ горемъ. Когда умеръ, многіе жалѣли въ немъ именно замѣчательно душевнаго, хорошаго человѣка.

Антонъ Павловичъ имѣлъ очень ясный взглядъ въ разнаго рода мелкихъ житейскихъ дѣлахъ.

У одного изъ его знакомыхъ—священника—были непріятности съ архіереємъ. Священникъ рассказывалъ Чехову:

„Архіерей сердится, думаетъ обо мнѣ нехорошо“.

„Слушайте, — проговорилъ Чеховъ, — архіерей куда поѣдетъ изъ Ялты?“

„Въ Θεодосію“.

„А потомъ?“

„Въ Керчь и нѣкоторыя села“.

„Ну, вотъ видите. Здѣсь архіерей воевалъ съ вами; въ Θεодосіи у него навѣрно есть дѣла съ о. Θεодоромъ, въ Керчи съ о. Григоріемъ. И навѣрно, когда будетъ возвращаться въ Симферополь, онъ забудетъ про васъ“.

Бывали у Чехова люди со всякой нуждой: учителя гимназій, народныхъ школъ, гимназисты, студенты, врачи, рабочіе, даже, какъ видите, священники. Учитель школы рассказывалъ о своемъ дѣлѣ, о ссорахъ съ инспекторомъ народныхъ училищъ; учитель гимназіи бесѣдовалъ о литературѣ, объ ученикахъ, о своихъ отношеніяхъ къ директору, къ попечителю; рабочій спрашиваетъ, что читать, и т. д.

Случалось, придешь къ нему, о чемъ-нибудь тревожась; онъ дастъ совѣтъ, успокоить; иногда ничего о горѣ не скажешь, но отъ бесѣды съ нимъ, отъ его примиряющаго взгляда на жизнь идешь отъ него успокоенный, почти примиренный съ жизнью, почти счастливый.

Онъ хорошо всматривался, умѣлъ указать какую-нибудь особенность, которая прекрасно опредѣляла человѣка.

Объ одномъ очень почтенномъ ялтинскомъ врачѣ, скоро потомъ умершемъ, А. П.—чѣ сказалъ:

„Знаете, его дѣло плохо: онъ скоро умереть“. — „Отчего?“ — „Онъ пи-

петь воспоминанія и собираетъ свои старыя статьи. Плохой признакъ. Онъ чувствуетъ, что жизнь ушла отъ него“.

Одинъ извѣстный журналистъ написалъ о Ч—вѣ не то что невѣрную, но ненужную, по мнѣнію А. П—ча, вещь. А. П—чъ отозвался о немъ такъ:

„Знаете, бываютъ люди: идетъ человѣкъ, машетъ руками, подъ ноги не смотреть; попадетъ на сухое мѣсто—хорошо; попадетъ въ лужу—тоже ничего. Вотъ и онъ такой“.

Тутъ придется сказать о той чертѣ характера А. П—ча, которая въ послѣднее время нѣкоторыми подчеркивалась, какъ нѣчто отрицательное. Черта эта есть его сдержанность. „Былъ привѣтливъ, но сдержанъ, говорилъ довольно оживленно, но еще болѣе просто и кратко, и во время разговора все думалъ о чемъ-то своемъ“ (Бунинъ). Такъ говорить о немъ одни; другіе же готовы назвать эту сдержанность скрытностью.

Кажется, Чеховъ былъ сдержанъ потому, что былъ умнѣе, деликатнѣе и добрѣе большинства своихъ собесѣдниковъ. Казалось такъ: онъ всѣхъ выслушивалъ, сострадалъ всѣмъ. Но выслушивая, сострадая и соглашаясь съ тѣми, кто говорилъ съ нимъ, онъ могъ нерѣдко думать про себя приблизительно такъ: да, вамъ ваше дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ вы говорите, и я васъ жалѣю, вамъ тяжело... Правда, есть другая точка зрѣнія, она могла бы измѣнить ваше отношеніе къ дѣлу, но я знаю, что вы ее не примете, органически не поймете. И я не буду о ней говорить. Съ вашей же точки зрѣнія вы правы. И онъ жалѣлъ всѣхъ, выслушивалъ и сочувствовалъ всякому горю.

Онъ не говорилъ священнику: я атеистъ, и ваше отношеніе къ архіерею, и ваши тревоги въ вашемъ дѣлѣ мнѣ неинтересны, ибо я отрицаю все ваше дѣло. Нѣтъ, „вы дѣлаете нравственное дѣло,—говорилъ онъ.—Смотрите, какъ хлопочетъ о. Василий (о постройкѣ церкви), надо ему пожертвовать“.

Я атеистъ, но у васъ есть боль души, тревога о душѣ; и какъ человѣкъ, я посмотрю, нельзя ли вашу боль утишить, помочь вашему горю?

Такъ обо всѣхъ. Кто ему больше близокъ? Не рабочій, не чиновникъ, не офицеръ, не врачъ, но N, Y, Z. Не вѣрю я въ нашу интеллигенцію,—писалъ онъ,—вѣрю въ усилія отдѣльныхъ лицъ. И былъ радъ, когда находилъ такихъ отдѣльныхъ лицъ; былъ радъ поддержать въ ихъ дѣлѣ, помочь дѣловито, разумно, горячо. Ваша боль души—это дѣйствительность; ваше отношеніе къ дѣлу искренне. Истинно ли, въ концѣ-концовъ, ваше дѣло, я не знаю. Можетъ быть, въ немъ не все истинно. Но то, что есть въ немъ отъ вашей искренности и бла-

городства, это-то, во всякомъ случаѣ, истинно и хорошо. А истина абсолютная—въ какомъ же земномъ дѣлѣ?

Кѣмъ-то была отмѣчена особенность Антона Павловича: онъ нерѣдко прерывалъ разговоръ вопросами, которые, съ перваго взгляда, не имѣли связи съ предметомъ бесѣды. Казалось, онъ не всегда слушаетъ то, что говорятъ; думаетъ въ это время свою мысль, можетъ быть, далекую отъ предмета бесѣды. Но, присмотрѣвшись ближе, было можно понять, что онъ слушаетъ, и слушаетъ хорошо. Но еще больше оцѣниваетъ людей, которые говорятъ. Онъ больше былъ наблюдатель и цѣнитель людей и ихъ дѣлъ, чѣмъ того, о чемъ они говорили. Онъ любилъ дѣла и людей. Въ жизни, какъ и въ своихъ сочиненіяхъ, онъ оцѣнивалъ людей не по красивымъ и горячимъ словамъ, которыя говорились ими, а съ точки зрѣнія обычной искренности, простой, житейской порядочности. Человѣкъ искрененъ, значить его мысль почтенна, ее слѣдуетъ выслушать хорошо; неискрененъ—и уже нѣтъ интереса слушать, что онъ говоритъ. И неожиданные вопросы Чехова часто задавались съ цѣлью разглядѣть за словами подлинное лицо собесѣдника или суть дѣла, о которомъ говорилось, тѣ существенныя стороны, которыя не были видны.

Это отношеніе писателя нерѣдко чувствовалось: иные изъ его собесѣдниковъ какъ будто начинали говорить болѣе скромныя, но и искреннія, лучшія, правдивыя слова, съ болѣею терпимостью къ людямъ, съ меньшей остротой злого чувства.

Кажется, господствующимъ настроеніемъ А. П.—ча въ послѣднее время была жалость къ себѣ, къ людямъ, ко всему, что живетъ.

Душа горитъ добротой, стремился бы многое сдѣлать, но идетъ немолимо смерть—и было жаль себя. И было жаль людей: правда такъ ясна, такъ ясна, что надо быть милосерднымъ, и такъ тупо не понимаютъ этого люди, такъ жестоко попираютъ милосердіе.

Уѣзжая послѣдній разъ изъ Ялты, А. П.—чѣ говорилъ:

„Тутъ есть одна дѣвочка, хочетъ поступить въ гимназію. Въ прошедшемъ году она провалилась, а дѣвочка хорошая и умная“. И прибавлялъ, какъ будто углубляясь въ себя: „Хорошая, рабочая семья, она напоминаетъ мнѣ нашу семью. Надо бы помочь“...

Изъ Москвы, приблизительно за мѣсяцъ до смерти, по дѣлу чело-вѣка, ему неизвѣстнаго, онъ шлетъ своему знакомому телеграмму, хлопотеть, пишетъ письмо, просить извѣстить, какъ стоитъ дѣло, за границу. И только смерть помѣшала ему это узнать.

О томъ, какъ была мягка душа Чехова въ послѣднее время, могутъ показать два маленькіе случая, о которыхъ рассказываютъ его ялтинскіе знакомые.

„Прихожу разъ къ А. П.—чу,—рассказываетъ упомянутый выше

греческій священникъ,—и вижу: на шкапу, въ мышеловкѣ, бѣгаетъ мышь.—Зачѣмъ вы ее здѣсь держите, А. П.—чѣ?“

Онъ отвѣчаетъ:

„Сегодня холодно, она, пожалуй, замерзнетъ“.

„Да развѣ вы ее не кошкѣ отдадите?“

„Что вы, о. Василий,—сказалъ взволнованно Чеховъ,—зачѣмъ кошкѣ... Вотъ завтра будетъ хорошая погода, я ее выпущу въ садъ, и она куда-нибудь убѣжитъ“.

О другомъ случаѣ рассказываетъ начальница ялтинской гимназіи В. К. Харкѣвичъ, хорошая знакомая семьи Чеховыхъ.

„Антонъ Павловичъ былъ въ своемъ саду. Въ рукахъ у него щипчики; онъ выбираетъ щипчиками изъ разбросанныхъ роговъ скалапендръ и бросаетъ ихъ черезъ стѣну въ сосѣдній пустырь“.

Надо сказать, что скалапендры считаются ядовитыми, многіе не могутъ ихъ видѣть безъ отвращенія; и обычно скалапендръ убиваютъ.

„Что вы дѣлаете, Антонъ Павловичъ?“

„Да вотъ, бросаю ихъ туда, туда же никто не ходитъ“.

Чеховъ мечталъ, что жизнь будетъ лучше черезъ двѣсти, черезъ триста лѣтъ. Принято думать, что эти слова не имѣютъ значенія. Но чтó, если онъ разсмотрѣлъ что-то вдали, почуялъ хоть отдаленный намекъ на новую „милосердную“ жизнь? Онъ какъ-то сказалъ:

„Настоящій писатель, это—то же, что древній пророкъ: онъ видитъ яснѣе, чѣмъ обычные люди“.